
И то, что раньше родиной звалось,
Вдруг потеряло облик свой, и ныне
Мы забываем цвет пшеничных кос
И яркость глаз той, васильковой,
сини.

Она сегодня по-другому зрит
И по-другому ест и спит, и дышит.
Ее душе ничто не говорит
Дым из трубы над деревенской
крышей.

Она глуха, мучительно глуха
К круженью верб у старого колодца
И на напев наивного стиха
Не обернется и не улыбнется.
Она теперь разумна. Не по ней
В мечту и подвиг безвозвратно
верить.

И потому она своих детей
Уже совсем другою мерой мерит.
И потому вся эта жизнь — разлад
С самим собой и с оголтелым миром,
И ищешь в ней почти что наугад
Утраченных дорог ориентиры.

А все-таки я верю в светлое.
Пускай абсурдно! Пусть смешно!
И потому храню заветно я
Тех старых снимков полотно.
Нет, вы не перейдете в бренное,
Как сгинуть мне в глуши веков,
Ни эта елка довоенная,
Ни белый храм среди снегов.
Ни женщина, всегда печальная,
Ни в парке грозных львов дозор,
Ни двух солдат за далью дальнею
О чем-то близком разговор.
Как верю я: сильнее времени
И равнодушья грубых глаз
Ваш добрый мир, где все проверено
Любовью было сотни раз.

А русского примет осталось мало.
Чужие лица и чужая речь.
На иностранный лад идет упрямо
Все то, что не сподобились сберечь.
То, что когда-то мы не пожалели,
Дурных детей взбесившаяся кровь,
Ни песен, в нас звучащих с колыбели,
Ни к простоте и щедрости любовь.
Той щедрости, с которою рубаху,
Последнюю, другому отдаешь,
Той щедрости, с которою на плаху
За русское ты голову кладешь.